

Пельтцер Татьяна
(к 100-летию со дня
рождения актрисы)

Восп. Москва — 2004 — 4 июня — с. 7

Ее всегда звали «Старуха»

В это действительно невозможно поверить. Число «100» кажется совершенно отдельным от Пельтцер, которая воспринимается абсолютно нашей современницей. Она очень долго играла на сцене, и ее всегда и все помнят со времен своего детства — и те, кому 60 лет, и те, кому 30.

А ведь, что удивительно, она довольно поздно начала сниматься и в общем-то никогда не играла молодых, даже в «Сказании о Земле сибирской». Она всегда была бабушкой, но бабушкой молодой, энергичной, полной задора. Ее тетя Тони из спектакля Театра сатиры «Проснись и пой» в ответ на восхищенное: «Тетя Тони, вам не дашь больше 60?» с гордостью и легким возмущением произносила: «И не давай. Я и в 70 молодая, а 60 меня старят». Фраза стала крылатой и для многих женщин просто девизом их отношения к жизни. И, пожалуй, очень характерна для самой Татьяны Ивановны Пельтцер.

Она много лет отдала Театру сатиры. Играла главные роли, и даже неглавные помнятся очень хорошо, как, например, ее Марселлина в легендарном «Безумном дне, или Женитьбе Фигаро», где она партнерствовала со своими любимыми молодыми друзьями: Андреем Мироновым, Александром Ширвиндтом... И вдруг резкий перелом в судьбе — Пельтцер в весьма почтенном возрасте уходит в «Ленком», тогда еще Театр им. Ленинского комсомола, который стал смелым и самым популярным среди молодежи театром. Ушла к Марку Захарову, который вместе с Ширвиндтом ставил «Проснись и пой», да и вообще был в «Сатире» своим и очень уважаемым человеком. В «Лен-

коме» Татьяна Ивановна быстро стала своей, выходила на сцену практически до последнего дня своей жизни. И была счастлива как актриса не меньше, чем в годы работы в «Сатире».

Александр ШИРВИНДТ, актер и художественный руководитель Театра сатиры:

— У нас в театре у нее была кличка Старуха, хотя она всегда была самая молодая. Когда я с ней только познакомился и мы начали дружить, ей еще не было шестидесяти. Но кличка была Старуха, потому что она всегда была такая Баба-яга, доведенная до обаятельного, темпераментного и приятного абсурда. Иначе как старухой ее не называли. Даже когда в театре собирался художественный совет и обсуждались планы на будущее, Плучек всегда говорил: «В этом году мы делаем классику (допустим, «Ревизор»), потом обязательно — какой-то музыкальный спектакль, Кремер будет что-то думать, потом то, что делает Шура (то есть какой-то спектакль должен был делать я), и надо искать пьесу для Старухи». Искать пьесу для Старухи — была важная проблема в репертуаре театра. Значимость Старухи была такова, что обязательно раз в год она должна была вылезать с какой-то новой пьесой. Вот такой была ее поза в театре, то есть таким было отношение к ней. Поэтому пьесы для Старухи у нас всегда были бенефисными.

А что касается личного... Она действительно всегда была палочкой-выручалочкой. Например, денег ни у кого не было, а у нее что-то еще оставалось, она все-таки была значительной персоной. И я, например, помню, как мы с Захаровым сделали спектакль «Проснись и пой» с бене-

Сцена из спектакля «Поминальная молитва». В центре — Татьяна Пельтцер и Евгений Леонов

фисной ролью для нее. Весна, премьера, солнце... И вот мы с ним выходим из театра: «Надо как-то отметить это дело. Надо что-то резкое сделать, рвануть куда-нибудь. Поедем в Ленинград (а там как раз Андрюша снимался), пуганем Дрюсика (у него кличка была — Дрюсик). Неожиданно приедем: «Здорово!» И сразу вопрос: а деньги? Пойдем к Старухе. Едем на «Аэропорт». Заходим: «Тань, мы вот собрались...» А она: «И я с вами». И вот она с сумкой наперевес на сиськах, а сзади мы, как утятя, едем в Питер к Андрюше. Он всегда останавливался только в «Астории». И вот этот его номер в «Астории» был под чердаком, такой страшный закуток, как у Хлестакова. Но все равно... в «Астории». В эту «Асторию» под чердаком мы, человек десять, и ворвались. Спать залегли на полу. А

потом началась у нас страшная гульба с выездом на Петропавловскую крепость. И везде впереди с сумкой наперевес шла Старуха. Вот такая была дама...

Правда, она могла моментально и профукать деньги. К тому же она картежница была. Они собирались — покойная Токарская, Ольга Аросева и она — и резались в преферанс просто бесконечно. Она дружила и со своими ровесниками, с нами вроде бы снисходительно отвкивалась, но все равно она больше тянулась к среднему поколению или даже тогдашней молодежи, то есть к нам. Ее уход из нашего театра был довольно болезненным. Но она поссорилась с Плучеком. А Марк ее звал к себе давно. И он всегда курировал ее по-настоящему. А она была в него влюблена по-настоящему. И он ее действительно не оставлял до последнего момента

— всегда выводил на сцену и т. д. И даже последние спектакли, когда она уже мало что соображала, Сашка Абдулов говорил за нее текст в «Поминальной молитве», но она стояла на сцене. При этом до последних лет у нее была очень хорошая память, она никогда не забывала текст. Это навалилось внезапно. Она любила импровизацию, но это всегда была подготовленная импровизация. Такого, чтобы ее вдруг понесло, не было, только внутри сделанного рисунка...

Так что Марк продлил ей сценическую жизнь. Поэтому, конечно, когда она ушла от нас, это была большая потеря — еще бы, такая краска!

Сергей СТЕПАНЧЕНКО, актер «Ленкома»:

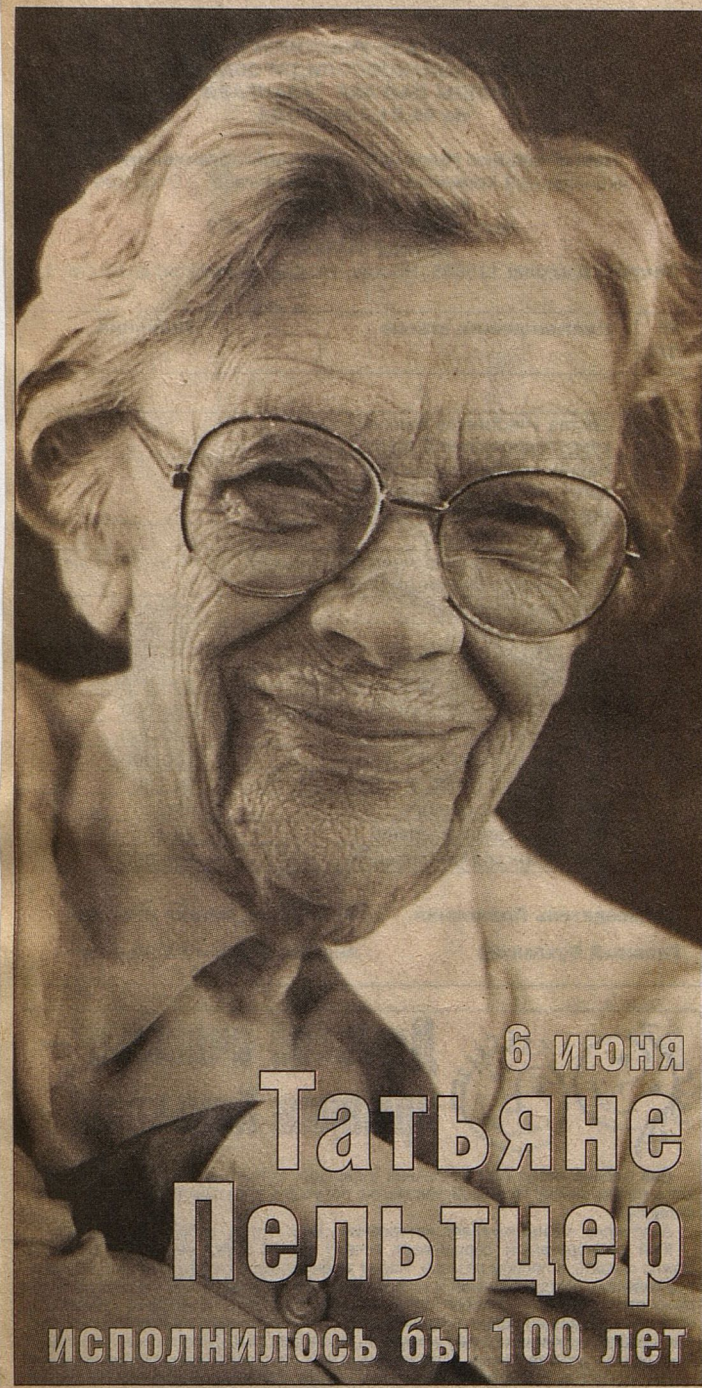
— Я помню, когда еще был жив отец, они с матерью приехали впервые в Москву. И пришли в театр на «Поминальную молитву». У нас тогда был старый буфет. И вот в антракте (а мы с Татьяной Ивановной освобождались раньше всех и приходили в буфет, сидели, чаек попивали, о том, о сем разговаривали) входят мать и отец. И Татьяна Ивановна говорит: «Мы с ва-а-шим дружим». И у матери слезы. А Татьяна Ивановна говорит: «Мама у тебя хорошая». Я был очень благодарен Татьяне Ивановне за то, что она так приподняла мой внутрисемейный рейтинг, поскольку родители все равно считали, что я избрал нежизнеспособную профессию. А вот здесь, когда я вдруг оперся на такие величайшие имена, какой была Татьяна Ивановна Пельтцер, царство ей небесное, они меня немножко уважали: «Ну, раз уж ты с Пельтцер рядом, и она тебя знает... тогда ладно, занимайся».

Татьяна Ивановна всегда очень замечательно выглядела с этой своей дымящейся сигареткой «Мальборо» в руках. И выпить коньячку могла до последних дней. То есть она от жизни далеко не уходила никуда. Я не знаю в театре ни одного человека, который бы относился к ней с каким-то иным качеством, чем любовь. Она, конечно, была человеком уникальным. Татьяна Ивановна могла и ругнуться. И она постоянно что-то бурчала с костюмерами, гримерами, такими же пожилыми, как и она. При этом очень нежно любила их.

Первое потрясение было, когда я увидел ее в спектакле «Три девушки в голубом». Может быть, это было отрепетировано, но у меня было полное ощущение, что она все импровизирует прямо на ходу. Мы играли с ней в «Тиле». И она всегда со своей тетрадкой подучивала текст, я слышал, как она сама себе выговоры какие-то делает.

Конечно же, самым близким ее другом в театре был Александр Абдулов. Александр Гаврилович — человек деликатный. И когда уже у Татьяны Ивановны не все хорошо было со здоровьем, он опекал ее. У нее к концу жизни осталась одна роль — мама Менахема в «Поминальной молитве». И если Саша не было рядом, она беспомощно оглядывалась по сторонам. Как только Саша появлялся, она хватала его за локоток, успокаивалась. Были моменты в спектакле, действовавшие до слез, когда оставались на сцене Татьяна Ивановна и Евгений Павлович Леонов, эти два немалых человека. В зале просто рев стоял. Они были небожителями...

Материал подготовила
Марина ЗЕЛЬЦЕР

6 июня

Татьяне
Пельтцер

исполнилось бы 100 лет